

На правах рукописи

Суслопарова Галина Дмитриевна

**ТИПОЛОГИЯ УТОПИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ В ЛИТЕРАТУРЕ
СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА
(СИМВОЛИЗМ, ФУТУРИЗМ, НОВОКРЕСТЬЯНСКАЯ ПОЭЗИЯ)**

Специальность 10.01.01 — русская литература

Автореферат

Диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Москва

2012

Работа выполнена на кафедре истории русской литературы XX века филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Солнцева Наталья Михайловна

Официальные оппоненты: **Терёхина Вера Николаевна**
доктор филологических наук,
Институт мировой литературы
имени А. М. Горького РАН,
ведущий научный сотрудник
отдела новейшей литературы и
литературы русского зарубежья

Урюпина Анна Сергеевна
кандидат филологических наук,
Государственный Литературный музей,
научный сотрудник

Ведущая организация: Литературный институт
им. А. М. Горького

Защита состоится 18 октября 2012 года в 16:00 на заседании диссертационного совета Д 501.001.32 при Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова по адресу: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ им М. В. Ломоносова, 1-й корпус гуманитарных факультетов, филологический факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Московского государственного университета (1-й учебный корпус гуманитарных факультетов).

Автореферат разослан 17 октября 2012 года.

Ученый секретарь диссертационного совета,
доктор филологический наук, профессор

Голубков
Михаил Михайлович

Общая характеристика работы

Предметом исследования являются утопические проекты, реализованные в творчестве писателей различных эстетических групп Серебряного века. Подобное исследование позволяет обнаружить, с одной стороны, универсальные характеристики литературы, ее связь с историческим, культурным, философским контекстом, общие мотивации содержания и художественных особенностей текстов; с другой — индивидуальные интеллектуальные, социальные, биографические условия творческой эволюции писателя, специфику генезиса того или иного литературного явления. На основе рассмотрения произведений таких авторов, как А. Белый, В. Маяковский, В. Хлебников, С. Есенин и других, нами предлагается следующая типология утопий: 1) теургическая, 2) историософская, 3) лингвистическая, 4) космически-антропоцентрическая, 5) революционно-мессианская, 6) крестьянская утопия «мужичьего рая», 7) религиозно-мессианская.

Рассмотренные типы позволяют говорить об общности попыток преодоления кризисного состояния мира через преображение природы человека; в то же время выявляется специфика утопического модуса внутри каждого из рассмотренных литературных направлений, обусловленная их эстетико-философскими основаниями, что составляет **актуальность** исследования.

Материалом исследования стали произведения А. Белого, в творчестве которого реализовался целый ряд утопических идей Серебряного века, а также В. Маяковского, В. Хлебникова, А. Крученых, С. Есенина, П. Карпова, А. Ганина.

Цель работы — выявление типологии утопического сознания в работах писателей с несхожими религиозными, философскими, художественными, политическими установками. Подобная типология рассматривается как показатель общих тенденций развития русской гуманитарной мысли. **Задачи исследования:** 1) Описание сути теургического, историософского, лингвистического, космически-антропоцентрического, революционно-мессианского, крестьянского и национально-мессианского типов утопий. 2) Анализ утопических мотивов в художественных произведениях в аспекте мировоззренческих и текстуальных совпадений.. 3) Определение религиозно-философского контекста утопических проектов, обнаружение прямых источников их положений. 4) Исследование индивидуальной и авторской интерпретации традиционных утопий.

Определение жанровой специфики утопии не входит в задачи исследования¹.

В начале XX в. утопическое мышление претерпевает стремительную эволюцию; помимо традиционных социально-политических, религиозных, научных появляются иные проекты, обозначаемые как «экоутопия», «практопия», «эупсихия», «дистопия», «какатопия»; Серебряный век характеризуется как «панутопический»². Получают развитие эстетическая и лингвистическая утопии. Среди диссертационных исследований, посвященных литературным рецепциям утопий, можно назвать работы О. А. Павловой «Русская литературная утопия 1900—1920-х гг. в контексте отечественной культуры» (2006), Н. А. Царевой «Историософская утопия русского символизма: На материале творчества Дм. Мережковского и А. Белого» (2001), Ким Сонг Иль «Русская литературная утопия первой четверти XX века» (1998), Е. С. Долгиной «Проблемы культуры в русской литературной утопии XIX—XX веков» (2008).

Печатные труды, предметом которых является утопическое мышление, можно объединить в следующие группы:

1) Работы, посвященные взаимодействию утопии и мифа. Сюда относятся исследования таких авторов, как Р. Барт, Г. Гадамер, Д. Кэмбел, Ю. Левада и др. В то время как одни (например, Ф. Кессиди) склонны к отождествлению утопии и мифа, другие (А. Тигер, Э. Баталов, Ж. Сорель, Ф. Полак) пишут об их принципиальной разнице. Популярна тема о Золотом веке как универсальном источнике утопий (С. Евдокимов, О. Палова, М. Элиаде), о связи между мифологией и утопией в произведениях Платона (А. Лосев, Г. Маркузе).

2) О взаимодействии религиозного и утопического сознания писали К. Доусон, Ф. Кессиди, Ч. Кирвель, Ю. Левада, К. Ранер, П. Тилих. Кроме того, В. Шестаков и Ф. Аинса предлагают классификацию отношений Церкви и государства в утопических проектах. Магистральной темой становится развитие религиозного утопизма (также определяемого как «утопии ордена»³), которое связывается с деятельностью еретических сект

¹ Нами учтены положения и выводы таких исследователей специфики жанра утопии и его эволюции, как А. Е. Ануфриев, А. Т. Бегалиев, Н. В. Ковтун, О. А. Павлова, Г. Д. Сысоев, Т. В. Чернышева, Е. Шацкий, М. Никё и Л. Геллер.

² Павлова О. А. Русская литературная утопия 1900—1920-х гг. в контексте отечественной культуры. Дис. докт. филол. наук. Волгоград: Волгоградский гос. ун-т, 2006. С. 11.

³ Шацкий Е. Утопия и традиция. М.: Прогресс, 1990. С. 120.

3) Антропологическая утопия получила развитие в конце XIX — начале XX в. в связи с идеями Ф. Ницше, Л. Фейербаха. Работы, посвященные антропоцентрической утопии, принадлежат Н. Бердяеву, С. Булгакову, Е. Трубецкому и др.

4) Проблема нравственного совершенствования человечества в утопическом сознании исследуется в работах Э. Блоха, Т. Горячевой, Ф. Майора, С. Сысоева, И. Тузовского, В. Чаликовой, В. Шестакова и др. Уже в наиболее репрезентативных произведениях жанра, как, например, «Утопия» Т. Мора, жители идеального общества описываются свободными от низких человеческих страстей. В качестве нравственно-этических утопий выделяются сочинения Вольтера, Я. Коменского, Ж. Руссо, Ф. Шиллера.

5) Работы, рассматривающие утопическое сознание в русле эсхатологизма, принадлежат таким авторам, как А. Ануфриев, Б. Гройс, С. Евдокимов, Б. Егоров, М. Капустин, И. Могилева, Л. Морщикина, Г. Пономарева, В. Шестаков, В. Чаликова и др. Во многом благодаря открытиям в науке (идея мультиверсума, существование параллельных измерений и др.), в философии и культуре (ощущение переломной эпохи, необходимость выработки путей обновления действительности), историческим событиям (мировая война, Февральская и Октябрьская революции) определился эсхатологический характер утопий XX в.

Научная новизна работы определяется установкой на поиск общих и отличных характеристик утопических идей в основе художественных текстов трех эстетических направлений; обращением как к изученным, так и к мало исследованным произведениям; интеллектуальным контекстом, который привлечен для выявления специфических черт утопических концепций в творчестве В. Маяковского, В. Хлебникова, А. Белого, С. Есенина, А. Ганина, П. Карпова и др. Нами рассмотрено влияние взглядов А. Безант, Ф. Ницше, Оригена, Э. Сведенборга, В. Соловьева, Р. Штейнера, на формирование теургической утопии в творчестве А. Белого. Идеи Ф. Ницше и Ф. Фейербаха составили контекст космически-антропоцентрической утопии В. Маяковского. Мы также обратились к богостроительским исканиям и установкам марксизма как имеющим отношение к формированию мессианско-революционной утопии. Нами привлекаются положения философии Т. Карлейля о сакральной сущности аграрного труда и социализме,

гегемон которого — крестьянин. Крестьянский утопизм связан с идейными течениями, популярными в кругах представителей высокой культуры: скифством, голгофским христианством и др.

На защиту выносятся следующие положения:

I.

- Теургическая концепция творчества А. Белого предстает как утопическая попытка синтеза познавательной, религиозной и творческой деятельности, обладающей потенциями непосредственного преобразования действительности. Контекстом является «Теория соответствий» Э. Сведенборга, в которой представлена попытка символического прочтения сакрального текста. Утопический мотив обожения человека в творчестве А. Белого предстает как идея воплощения Христа в человеческой плоти.
- На первый план в лингвистической утопии А. Белого выходит идея о сакральной связи между звуком и смыслом, представления о теургических потенциях слова.
- В развитии историософской утопии А. Белого отразилось мистическое толкование исторических событий.

II.

- Космически-антропоцентрическая утопия в творчестве В. Маяковского представляла идею утверждения сильной творческой личности. Формирование революционно-мессианского типа утопии обусловлено переходом от антропоцентрической картины мира к парадигме восстания масс и культа коллективного сознания. В качестве источника (помимо названных выше) выделяется идеология А. Богданова.
- Лингвистическая утопия футуризма основывалась на максиме об интуитивном восприятии заумного языка и перспективе создания универсальной коммуникативной системы. Лингвистическая утопия Хлебникова вбирала в себя задачи поиска совершенных языков и обнаружения их общей пра-матрицы, попытку построения априорного языка логики, а также проекта универсального апостериорного языка.

III.

- Утопия «мужичьего рая» в творчестве новокрестьянских поэтов основывалась на представлениях о том, что крестьянская (народная) культура являлась фундаментальной характеристикой русского мира. Революционно-мессианская утопия в их произведениях выразилась в теме избраннической роли России как импульса духовного обновления всего мира.

Теоретико-методологическая основа. В систематизации материала мы опирались на труды историков и теоретиков литературы, принадлежащих к университетским научным школам: А. Авраменко, М. Голубкова, А. Карпова, О. Клинга, Л. Колобаевой, С. Кормилова, А. Леденёва, М. Михайловой, И. Ничипорова, Е. Рудневой, Е. Скороспеловой, Н. Солнцевой, В. Хализева, Л. Чернец, А. Эсалнек; на монографии и статьи исследователей творчества символистов (З. Минц и др.), авангарда (В. Терёхиной, Н. Харджиева и др.), новокрестьян (Н. Шубниковой-Гусевой и др.). Теоретической базой для осмысления утопии как литературного жанра послужили труды таких авторов, как Ф. Аинса, А. Ануфриев, Э. Баталов, Л. Геллер, М. Нике, Б. Гройс, С. Евдокимов, Ч. Кирвель, А. Кирхенгейм, В. Лекторский, Л. Мамфорд, К. Мангейм, О. Павлова, Г. Сысоев, И. Фролова, В. Чаликова, Е. Шацкий, Е. Эгильский и др. В выявлении типов утопии приоритетным является литературоведческий подход, связанный с концепциями Д. Лихачева, И. Смирнова, В. Иванова. В работе использованы элементы мотивного, мифопоэтического, интертекстуального анализа.

Апробация работы. В полном объеме диссертация обсуждалась на заседании кафедры истории русской литературы XX века филологического факультета МГУ им М. В. Ломоносова. Результаты исследования изложены в публикациях и в докладах на следующих научных конференциях: Международный научный симпозиум «Сергей Есенин: диалог с XXI веком» (Москва — Константиново, 2010), Международная научная конференция «Ломоносов 2010» (Москва, 2010), International Academic Conference of Arts and Science (Harvard University, 2010), The 3rd International Academic Conference. Consciousness, Theatre, Literature and the Arts. (Lincoln University, 2009), Международный симпозиум «Мир детства в русском зарубежье» (Москва, 2009).

Практическая значимость работы определяется возможностью использования ее содержания в специальных исследованиях, а также при подготовке лекций по истории русской литературы XX в., спецкурсов и спецсеминаров, посвященных проблеме формирования и эволюции утопий в литературе Серебряного века.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и библиографии.

Основное содержание работы

Во **Введении** обосновывается актуальность темы диссертации, освещается состояние ее научной разработанности, определяются цели, задачи, методологическая основа исследования, раскрываются положения, выносимые на защиту.

Глава I. Утопические установки Андрея Белого

Как отмечает Л. А. Колобаева, «символизм мыслился как некое новое миропонимание, как особый тип культуры и жизнестроения⁴. Развивая указанную мысль, мы рассматриваем ряд эстетических положений символизма в утопическом ключе: их реализация должна была привести общество к идеальному состоянию, открыть путь к преобразению внутреннего «я», вывести человечество на новую ступень эволюционного развития.

В исследовании подчеркивается синтетический характер утопического мышления А. Белого. В художественной теории и практике поэт пытался привести к общему знаменателю вопросы философии и искусства, этики и эстетики. В одной системе объединялись такие различные концепции, как богочеловечество В. Соловьева и «сверхчеловек» Ф. Ницше, антропософская идея «Импульса Христа» (Р. Штейнер) и идеи «скифства» и др. Мы выделяем три типа утопии в его работах: 1) теургическую, 2) лингвистическую, 3) историософскую.

§ 1. Теургическая утопия в творчестве А. Белого. Художественное творчество мыслилось Белым как преобразующее действительность. Одним из основных источников формирования этой концепции были положения В. Соловьева о поэзии как продолжении «художественного дела, начатого природой»⁵, воплощении «добра в материальном мире»⁶. Утопизм теургической теории символистов заключается в неразделении сфер литературы и реальной жизни, в гипертрофии возможностей творческой личности, в разрушении пределов ее преобразующих амбиций. Все это отразилось как в теоретических работах А. Белого «Символизм как миропонимание» (1904), «Искусство будущего» (1907), «Фридрих Ницше» (1908), «Символизм» (1909), «Проблема культуры» (1910), «На перевале» (1920) и др., так и в его творческой практике.

⁴ Колобаева Л. А. Русский символизм. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. С. 12.

⁵ Соловьев В. Общий смысл искусства // Соловьев В. С. Смысл любви: Избранные произведения / Сост., вступ. ст., коммент. Н. И. Цимбаева. М.: Современник, 1991. С. 70.

⁶ Там же. С. 71.

Идеи Ф. Ницше, высказанные в «Рождении трагедии из духа музыки» (1872), где особое место отводится музыкальному началу в искусстве, ритму и «дионисийской» стихийности, а также концепции «сверхчеловека» («Так говорил Заратустра», 1883—1885), получили развитие в творчестве Белого. Однако положения ницшеанства обогащались и влиянием В. Соловьева и Р. Штейнера. Например, понятие «сверхчеловек» функционировало как инвариантный термин в теософской теории о последовательной смене рас — духовной эволюции человечества, на высших ступенях которой достигается ощущение единства «я» и коллектива. В этом контексте формировался образ писателя-мессии, с одной стороны, утверждающего свою творческую индивидуальность, а с другой — стремящегося к новой религиозности («Аргонавты», 1904; «Человек», 1918; «Золото в лазури», 1904, «Адам. Записки, найденные в сумасшедшем доме», 1908). Концепция Белого оказывается ближе к взглядам В. Соловьева, чем Ф. Ницше: на первый план выходит идея всеединства, переосмысленная в концепции индивида как всеединства личностей.

Идею обожения в творчестве Белого рассматривается в контексте религиозно-философских систем Р. Штейнера, В. Соловьева, Оригена, А. Безант. Представления о возможности обнаружения, воспитания, развития и культивации в человеке божьей сути сближаются с учением Р. Штейнера. Для доктора антропософии Христос — символ, на который следует ориентироваться любому вставшему на путь духовного развития. В то же время Белый подразумевает буквальное воплощение Христа в человеке, что отсылает уже к системе А. Безант. Президент антропософского общества считала (в отличие от Штейнера) возможным реальное воплощение Христа в отдельно взятом человеке («Лестница жизни. Этапы расширения индивидуального сознания», 1898). Споря со Штейнером, Безант утверждала, что Христос не просто дал единичный импульс для развития, но являлся идеалом, которого при определенных мистико-духовных практиках может достичь каждый. Мотивы, связанные с этими установками, рассмотрены нами на примере сборника «Золото в лазури» (1904), статей «Глоссолалия. Поэма о звуке» (1922), «Душа самосознающая» (1926), а также книги «Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности. Воспоминания о Штейнере» (1917).

Развитие теории теургического творчества связывается нами также с наследием Э. Сведенборга (1688—1772), которое было широко известно деятелям Серебряного века. А. Белый не раз упоминает о Сведенборге и в воспоминаниях об А. Блоке, и в поэтическом творчестве, в частности в поэме «Первое свидание» (1921). По Сведенборгу, все слова в Священном Писании имеют скрытый смысл; Белый рассматривал Священное Писание как символический текст, а собственные произведения по задачам и способам их воплощения сближал с сакральными. Мы обращаем внимание на образ солнца как символ божественной премудрости в текстах Сведенборга («Солнце на небесах есть Божественная истина, а тепло небесное — Божественное благо, исходящее от Господа как солнца»⁷) и Белого («Духовное знание есть это солнце»⁸); рассмотрена функциональность символа солнца в лирике сборника «Золото в лазури», рассказе «Аргонавты» (1904), статье «Утопия» (1921).

§ 2. Лингвистическая утопия в творчестве А. Белого. Лингвистическая утопия Белого космогонична: роль звука приравнивается им к акту творения мира («Магия слов», 1909; «Жезл Аарона», 1917; «Глоссолалия», 1922). Как и для Штейнера, для Белого скрытая сущность звука состояла в преображающей способности: звук, в отличие от понятий, воздействует на астральное тело человека, становится инструментом проникновения в более «тонкие планы». Произнесение поэтического слова может привести, согласно Белому, к преображению, в ходе которого человек является одновременно и творцом вселенной, и ее конечным результатом. В «Глоссолалии» Белый выразил эту идею следующим образом: «Воплощение соединений всех букв — человек — существует как целостность многообразия звуков; *мы созданы словом; и словом своим создаем*, нарицая, все вещи; именованье — творение; именование — алхимический опыт соединения звуков»⁹ (курсив мой — Г. С.). Бог, воплощающийся в человеке, и есть его внутреннее творческое «я»: «Ягве, нисходящий на землю: то: “Я” — человека. И — восстает человек»¹⁰. Божественная основа мира понимается, прежде всего, как звучащая, поэтому создание произведения оказывается тождественным акту Творения при помощи сакрального звука.

⁷ Сведенборг Э. О небесах, о мире духов и об аде. / Предисл. Х. Л. Борхеса. СПб.: Амфора, 2006. С. 75.

⁸ Белый А. Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности. Воспоминания о Штейнере. М.: Республика, 2000. С. 473.

⁹ Белый А. Глоссолалия. Поэма о звуке. Томск: Водолей, 1994. С. 73.

¹⁰ Там же. С. 71.

§ 3. Контекст историософской утопии А. Белого. Историософская утопия Белого формировалась в контексте идей Р. Штейнера, В. Соловьева, Э. Сведенборга, Р. В. Иванова-Разумника. Кроме того, трактовка революционных событий как необходимой и осознанной жертвы ради грядущего обновления, дает основания для типологического сближения с идеями голгофского христианства. Все это позволяет говорить о мистическом характере историософской утопии А. Белого, по его словам, «Россия инсценирует мистерию, где Советы — участники священного действия»¹¹ Указанные идеи получили художественное осмысление в произведениях «Христос Воскрес», (1918), «Йог», (1918) и др.

По поводу поэмы «Христос Воскрес» (1918) Иванов-Разумник говорил: «Повторение библейской мистерии осмысливается как очередной акт творения нового лика мира в вечной мистерии бытия»¹². Он же сближал это произведение с «Инонией» (1918) С. Есенина и «Двенадцатью» (1918) А. Блока, говоря, что в них Россия предстает как «Новая Назаря»¹³. Все перечисленные произведения объединяет мистико-религиозная трактовка революционного движения. В частности, в произведении «Христос Воскрес» развиваются антропософские представления о том, что события, разворачивающиеся на «тонких планах» бытия, коррелируют с ходом реальной истории. Так, в поэме голгофские события предстают как повторяющаяся в веках мистерия, Назаря получает воплощение в Третьем Интернационале, а концепция жертвенности становится обязательным условием грядущего обновления.

Историософская утопия Белого, кроме влияний «скифства» и голгофского христианства, как мы уже отмечали, была тесно связана с философией В. Соловьева. На восприятие России как места воплощения Царства Божия на земле оказал проект о главенстве вселенской Церкви в государстве. Не исключена и родственность позиций Белого и *Сведенборга*, прежде всего — идея шведского философа о необходимости раскрытия Божественной мудрости и установления новой церкви. Новый Иерусалим становится не просто аллегорией Царства Божия на земле, но мотивацией получения тайного знания через мистическое прозрение.

Глава II. Утопии в творчестве футуристов

¹¹ Андрей Белый и Иванов Разумник. Переписка / Публ., вступ. ст. А. В. Лаврова и Дж. Мальмстада. СПб.: Antheneum. Феникс, 1998. С. 107.

¹² *Иванов-Разумник Р. В.* Творчество и критика. СПб.: Прометей, 1912. С. 78.

¹³ *Иванов-Разумник Р. В.* Россия и Инония // Наш путь. 1918. № 2. С. 81.

Формирование утопического сознания русского футуризма обусловлено социокультурными факторами, прежде всего — переходом от антропоцентристской картины мира и утверждения индивидуализма к культу коллективного сознания. Данный переход был связан с индустриализацией общества, распространением марксистской идеологии. Концепция будущего в теории и практике футуристов предстает как идеализированная, связанная с верой в прогресс и необходимостью устранения каких-либо препятствий на его пути.

§ 1. Философский контекст формирования утопических концепций в творчестве В. Маяковского. Космически-антропоцентрическая утопия В. Маяковского 1914—1917 гг. («Облако в штанах», 1915; «Война и Мир», 1915—1916; «Человек», 1916—1917) проникнута утверждением индивидуализма, внутренним раскрепощением и развитием творческого потенциала человека. Важнейшим контекстом становится философия Ф. Ницше, в частности такие категории, как «переоценка ценностей», «воля к власти», «витализм». Ряд сентенций Ницше получил поэтические аналогии в текстах Маяковского: христианство как «метаморфозы рабства»¹⁴ — «На сердце цепь — / “Религия”» [Т1, 277]¹⁵; образ лирического героя как «крикогубого Заратустры» [1; 274], «тринадцатого апостола» [1, 199] и т. д. Идея сохранения традиционных ценностей отходила на второй план по сравнению с задачей глобального обновления через разрушение старого мира: «Ковром / вселенную взвей. / Моль / из вселенной выбей!» [2; 266]. Вслед за Ницше, писавшем, что «существование мира может быть оправдано лишь как эстетический феномен»¹⁶, в поэзии Маяковского появляется мотив превосходства эстетики над религиозным началом, явленное, например, в строках «И Бог заплачет над моею книжкой!» [1; 58].

Богоборческие мотивы в творчестве Маяковского суть признание правомерности претензий человека на статус творца, декларация законности воли к власти. В поэме «Человек» (1916—1917) лирический герой утверждает собственное могущество («Есть ли / чего б не мог я?» [1; 273]), выступает как демиург («Хотите, /

¹⁴ Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей // Собр. соч.: в 5 т. СПб.: Азбука, 2011. Т. 4. С. 160.

¹⁵ Здесь и далее цит. по: Маяковский В. В. Полное собр. соч.: В 12 т. / Под ред. Н. Н. Асеева. М.: Худож. литература, 1930 (в скобках указаны номера страниц и томов).

¹⁶ Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки // Собр. соч.: в 5 т. Т. 1. С. 22.

Новое выдумать могу / животное? Будет ходить / двуххвостое / или треногое» [1; 273]). В предреволюционных поэмах широко представлены мессианские притязания.

Близким апокалиптическому мироощущению Маяковского было творчество В. В. Розанов¹⁷. В частности, знаменитые строки «недоучка, крохотный божик» [1; 205] можно рассматривать в контексте идей Розанова, писавшего о Христе спасающем, Боге «немощи, изнеможения»¹⁸. Однако Розанов осознает и свою «немочность». Маяковский идет гораздо дальше констатаций бессилия Бога или «спора равновеликих сил»¹⁹. Свержение Абсолюта представляется лирическому герою главной целью: «Шутка ли! / К богу на-дом! / У рая, в облака бронированного, / дверь расшибаю прикладом. <...> Бежали, / все бежали, / и Саваоф, / и Будда, / и Аллах, / и Иегова» [1; 247].

Маяковский — максималист, для него сила, здоровье — онтологический признак нового человечества («Жилы и мускулы молитв верней» [Т1, 192]; «Я знаю — / солнце померкло б, увидев / наших душ золотые россыпи!» [Т1, 192] и др.); его тексты подтверждают тезу А. Крученых: футуристы «перещеголяют» Ницше — «человека “утонченной” мозговой кашицы»²⁰. Но если Хлебников в переустройстве мира и человека — исполнитель «мира рока» («И я свирел в свою свирель...», 1908), предлагал сменить законы быта «уравнениями рока»²¹ («Воззвание председателей земного шара», 1917), то в космогонических проектах Маяковского воля к собственной власти над миром первична.

После 1917 г. романтический индивидуализм уступил место соборности, единению с коллективом, что рассматривается нами на примере таких произведений, как «150 000 000» (1916—1917), «Мистерия-Буфф» (1918), «Пятый интернационал» (1922). Революционно-мессианскую утопию Маяковского можно охарактеризовать как основанную на идее апокалиптического обновления, совершаемого стихийным движением коллектива, сплоченного идеей лучшего будущего для всех.

¹⁷ Подробнее об этом: *Кацис Л. Ф.* Достоевский. Розанов. Маяковский (о литературных истоках поэмы «Про это») // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1993. Т. 52. № 6. С. 52—68.

¹⁸ *Розанов В.* Собрание сочинений. Апокалипсис нашего времени / Под общ. ред. А. Николоюкина. М.: Республика, 2000. С. 14.

¹⁹ *Семенова С.* Владимир Маяковский // Русская литература 1920—1930-х годов. Портреты поэтов. В 2-х т. / Ред.-сост. А. Г. Гачева, С. Г. Семенова. М.: ИМЛИ РАН, 2008. Т. 1. С. 443.

²⁰ *Крученых А.* Стихи В. Маяковского // Владимир Маяковский: Pro et contra / Сост. В. Н. Дядичев. СПб.: РХГА, 2006. С. 216, 217.

²¹ *Хлебников В.* Творения / Общ. ред. М. Я. Полякова, сост., коммент. В. П. Григорьева, А. Е. Парниса. М.: Сов. писатель, 1987. С. 41, 614.

В этом сдвиге отразилась и специфика двух революций. Стихийная и идеологически пестрая Февральская революция представала в сознании некоторых писателей и мыслителей в романтическом ключе, виделась залогом реализации потенциала творческой личности, ее освобождения. Октябрьская революция, напротив, была результатом инициативных действий революционной организации с ясно очерченной идеологией. Маяковский выразил новую парадигму в хрестоматийных строках «Мы говорим Ленин, / подразумеваем — / партия, / мы говорим / партия, / подразумеваем — / Ленин» [6; 179].

М. М. Голубков писал о роли «организационной теории» А. Богданова в деле построения культуры нового типа: «Представления о пролетариате как о новом мессии характеризовали иллюзорно-утопическое сознание творцов революции в начале 20-х годов²². Исследователь подчеркивает, что «организационная теория» Богданова легла «в основу планов строительства пролетарской культуры»²³. Переход от одного типа утопии к другому отразил важнейший идеологический слом начала XX в. и рассматривается нами в связи с распространением марксизма, а также системами А. Богданова, А. Гастева и теоретических положений Пролеткульта, ЛЕФа.

§ 2. Концепции лингвистических утопий футуристов. Лингвистические установки футуристов, во-первых, обусловлены проектом развития языка для вербального выражения реальности в ее познанных и непознанных измерениях и, во-вторых, задействуют обновленный язык как средство переустройства действительности и объединения человечества. Таким образом, футуристские языковые концепции укоренены в гуманитарных и естественных науках, направленных на изучение мира, и проецируют утопии, нацеленные на социальный, культурный, антропологический, онтологический слом.

В работе рассматриваются идеи освоения четвертого измерения: труды математика Ч. Хинтона, П. Успенского («Четвертое измерение», 1909), Н. Морозова («Путешествие по четвертому измерению пространства», 1910), Г. Гурджиева. Так, о прямом заимствовании кубофутуристами идей Успенского свидетельствует, в частности, «Декларация слова как такового» (1913); Крученых излагает взгляды

²² Голубков М. М. История русской литературной критики XX века (1920—1990-е годы). М.: Изд-й центр Академия, 2008. С. 75.

²³ Там же. С. 76.

Н. Кульбина, считавшего, что шестым и седьмым измерениями является время²⁴. Вслед за Успенским футуристы полагали, что в ходе грядущей психической эволюции новое осознание времени и пространства как относительных станет для человека непосредственной эмпирической реальностью.

Развитие утопических проектов в поэзии авангарда было связано с теоретическими работами по эстетике таких художников, как М. Матюшин, М. Ларионов, К. Малевич и В. Кандинский. В частности, выдвинутая еще итальянскими футуристами категория скорости²⁵ приобретает в среде русского авангарда онтологическую окраску: для Малевича прорыв к познанию вселенной связан с постижением имманентного ей ритма, прорыва к «динамике самого движения»²⁶; с точки зрения Хлебникова, пульсация — фундаментальная характеристики вселенной²⁷; В. Кандинский писал о вибрации как сущностной основе любого искусства и о вычленении «внутреннего звука» слова в поэзии²⁸.

Отдельно нами рассматривается лингвистическая концепция Хлебникова, что также было предметом изучения таких авторов, как В. Байдин, Р. Вроон, В. Григорьев, Р. Дуганов, Н. Перцова, Н. Харджиев и др. Основные положения лингвистической теории В. Хлебникова отразились в следующих его статьях: «Художники мира» (1919), «Наша основа» (1919), «О стихах» (1921), «Великий чародей» (1921). Лингвистическая утопия Хлебникова вбирала в себя поиск совершенных языков, обнаружение общей лингвистической матрицы. Идея внутреннего склонения слова («Учитель и ученик», 1912) развивает представление о корнях слов, непосредственно связанных с божественным логосом, слова же

²⁴ Крученых А. Новые пути слова // Русский футуризм: теория. Практика. Критика. Воспоминания / Сост. В. Н. Терехина, А. П. Зименков. С. 50.

²⁵ Манифесты итальянского футуризма / Пер. В. Шершеневича. М.: Типография русского товарищества, 1914.

²⁶ Малевич К. Собр. соч.: в 5 т. / Предисл, ред. коммент. Г. Л. Демосфенова. М.: Гилея, 1998. Т. 2. С. 89.

²⁷ «Я утверждаю свою убежденность в пульсации всех отдельностей мироздания и их сообществ. Пульсируют солнца, пульсируют сообщества звезд, пульсируют атомы, их ядра и электронная оболочка, а также каждый входящий в нее электрон». Андреевский А. Н. Мои ночные беседы с Хлебниковым // Дружба народов. 1985. № 12. С. 237—238.

²⁸ «Слово есть внутренний звук <...> Но в случае его обнажения этот чистый звук выступает на первый план и оказывает непосредственное давление на душу. Душа потрясается беспредметной вибрацией <...> Здесь открываются широкие перспективы для литературы будущего, которая увеличит арсенал своих средств также и такими словами, которые, не обозначая никакого предмета и будучи практически нецелесообразными, будут употребляться как абстрактно целесообразный внутренний звук». Кандинский В. Избранные труды по теории искусства: В 2-х т. Изд. второе, исправл. и доп. / Под ред. Н. Б. Автономовой, Д. В. Сарабьянова, В. С. Турчина. Т. I. 1911—1914. М.: Гилея, 2008. С. 186.

мыслятся как изобретение человека²⁹. Поиск матрицы приводит Хлебникова к заключению, что общеславянский язык — праязык («Художники мира»).

Кроме исследования имманентно присущих естественным языкам потенций, Хлебников занимался разработкой искусственного языка логики, который необходим в исследовании пространственно-временных законов вселенной. Данные поиски включены в традицию, представленную такими именами, как Платон, Пифагор, Ф. Бэкон, Г. Лейбниц и др. В «Нашей основе» (1919), «Досках судьбы» (1920—1922) развернуты попытки установить числовые закономерности звучащей речи.

Идея «звездного языка», понятного для всех живущих на земле, ставит утопический проект Хлебникова в контекст интерлингвистики, идеи конструирования искусственного языка для международного общения, в частности проектов языков волапук, идо, эсперанто и др. Творчество Хлебникова направлено на своеобразную «девавилонизацию» — ликвидацию лингвистической катастрофы, последовавшей за разрушением Вавилонской башни (у Маяковского: «Городов вавилонские башни, / возгордясь, возносим снова, / а бог / города на пашни / рушит, / мешая слово» [Т1, 189]).

Глава III. Утопические аспекты в творчестве новокрестьянских поэтов

В генезисе новокрестьянской утопии нами выделяется два основных аспекта: концепт «богоизбранности» крестьянства, представление о народной среде как основе реализации идеального общественного устройства и мессианские представления о России как духовном центре, призванном явить миру образ идеального общественного и духовного уклада.

Первый аспект рассматривается в русле концепции «мужичьего рая», который мыслился, с одной стороны, как обособленный от мира интеллигенции и рабочих, но с другой — как связанный с утопическими устремлениями культуры Серебряного века и вписанный в реальный социально-политический контекст. Как отмечал М. М. Голубков, новокрестьянские поэты «были делегированы деревней представить в литературе народный опыт национального бытия»³⁰. Переписка новокрестьян, записи их бесед, художественные произведения, воспоминания о них говорят о том, что крестьянство понималось ими не как маргинальное явление, а как аристократическая сущность русского народа.

²⁹ Хлебников В. Собр соч.: в 6 т. / Под ред. Р. В. Дуганова. М.: ИМЛИ РАН. Наследие. 2000. Т. 6. С. 25.

³⁰ Голубков М. М. Мешок алмазов. Алексей Ганин и книга о нем // Историк и художник. 2008. № 3 (17). С. 52.

§ 1. Идея богоизбранности народа в контексте философии Т. Карлейля и мифологемы Града Китежа. Принципиально важными нам представляются близкие новокрестьянам идейные позиции Т. Карлейля. В книге «Крестьянин-святой» (первое издание в России в 1912 г.) развиваются тезы о сакральной природе крестьянского труда, о крестьянине-гегемоне в социалистическом устройстве. Мы полагаем, что идейное наследие Карлейля нашло отражение в есенинском цикле «маленьких поэм» («Товарищ», 1917; «Певущий зов», 1917; «Отчарь», 1917; «Октоих», 1917; «Пришествие», 1917; «Преображение», 1917; «Сельский часослов», 1918; «Инония», 1918; «Иорданская голубица», 1918; «Небесный барабанщик», 1918; «Пантократор», 1919³¹). Как писал Карлейль, «я не знаю ничего возвышеннее в этом мире Крестьянина-святого, если только таковой теперь еще может быть где-нибудь встречен. Такой человек приведёт тебя назад в самый Назарет»³². Новый Назарет — центральная историософская категория для Есенина в рассматриваемый нами период.

В качестве другого источника мы рассматриваем мифологему Града Китежа и связанные с ней представления о духовных потенциях русского народа, сохраненных в крестьянском сословии. В «Инонии» (1918) С. Есенина утопия Китеж-града противопоставляется утопии «иной» — обновленной России, пророком которой становится поэт. «Дыхание Китежа» проклиняется Есениным вместе с тем христианством, в котором Христос обречен на «муки и крест», поэт не принимает китежской пассивной жертвы и чаёт революционного обновления действительности. Утопия Есенина анализируется нами в контексте произведений Н. Клюева («В черные дни», 1908; «С родного берега», 1908; «Пленники города», 1911; цикл стихотворений «Спас», 1916—1918; цикл «Избяные песни», 1914—1916; поэма «Мать-Суббота», 1922).

Мифологема Китежа как образ Светлого Града дана в романе П. Карпова «Пламень» (1913). Сектантская народная стихия противопоставляется воплощению абсолютного зла в фигуре помещика Гедеонова. Доминанта утопизма Карпова — заострение противопоставления народа интеллигенции, что выразилось в его публицистике («Говор зорь», 1909), письмах к А. Блоку, В. Розанову.

³¹ Всестороннему анализу указанного цикла посвящены исследования таких авторов, как О. Е. Воронова, Вяч. Завалишин, А. М. Марченко, Н. В. Михаленко, А. А. Никольский, С. Г. Семенова, М. В. Скороходов, Н. М. Солнцева, Н. И. Шубникова-Гусева, Н. К. Юнусова и др.

³² Карлейль Т. Крестьянин-святой. М.: К новой земле, 1912. С. 14.

В творчестве А. Ганина образ идеального мира актуализировался как сакральный топос, существующий вне пространства и времени, вбирающий в себя духовные абсолюты народа. Другой чертой утопии Ганина является ее универсальный, космогонический характер. В отличие от Есенина и Карпова, прозревавших именно в России грядущее Царствие Небесное, Ганину свойственно чаяние обновления во вселенском масштабе; как отметила Н. М. Солнцева, лирический герой Ганина «вместил в свой мир бури и кометы, богов и гармонию космоса»³³.

Несмотря на антиутопический характер поэмы «Сарай» (1917), нам представляется необходимым ее рассмотрение: проблематика рецепции революционных событий невозможна без учета их трактовки Ганиным как кровавого «пиршества» темных сил, которым оборачивается утопическая жажда духовного обновления. Кроме мифопоэтического осмысления действительности, свойственного новокрестьянским поэтам, в поэме также присутствует проблематика, развиваемая символистами в тот же период (ожидание мессии, оборачивающееся приходом антихриста), а также трактовкой революции представителями скифства как стихийного и мистериального действия. Неоднозначным представляется финал поэмы, в котором явлен образ неба, «беременного красотой»³⁴, что может быть опять же связано с символистскими надеждами на воплощение в мире понятой в соловьевском ключе красоты. Однако само повествование живописует реалистические образы кровавых событий революционных лет, а также становится пророчеством судьбы крестьянской купницы, испытавшей на себе всю иллюзорность утопических надежд начала века: чаявшие возрождения Града Китежа, эти поэты окончили свои дни в «глухом сарае»³⁵.

Необходимо отметить, что идея Карлейля о ведущей роли крестьянства на пути к идеальному обществу коррелировала с идеями голгофских христиан, среди которых находился Клюев, с проектом о. В. Свенцицкого («...земля Божия и люди не по-

³³ Солнцева Н. М. Китежский павлин: филологическая проза. Документы. Факты. Версии. М.: Скифы, 1992. С. 228.

³⁴ Ганин А. А. Стихотворения. Поэмы. Роман. Архангельск, 1991. С. 306.

³⁵ Там же. С. 300.

Божьи ее между собой разделили»³⁶; путь к христианскому идеалу через борьбу; взыскание Града³⁷ через собственную Голгофу, но и через торжество Воскресения).

§2. Религиозно-мессианская утопия в творчестве новокрестьянских поэтов. Новокрестьяне унаследовали традиции славянофильства, с одной стороны, и крестьянского социализма — с другой, симпатизировали современным народникам (эсерам).

Контекстом концепции мессианской роли России следует признать идеи, высказанные в сочинениях Р. Штейнера, которые находились в личной библиотеке Есенина. Утопические устремления Штейнера и Есенина напрямую связаны с фигурой Христа и идеей голгофизма — искупительной жертвы, необходимой для духовного преображения. Разобранный нами цикл «маленьких поэм» — свидетельство мифологизации Есениным русских революций, его отношения к ним как к Преображению всего российского мира, как к акту космического порядка и продолжению священной истории.

Бесспорно влияние на религиозно-мессианские чаяния «скифской» идеологии, прежде всего Р. В. Иванова-Разумника. Революционные события представляли как необходимое стихийное очищение, а вкупе с выдвинутой голгофскими христианами концепцией преображения через осознанную жертвенность они вписывались в глобальный исторический контекст. Стихийность, органичность в синтезе с космичностью — характеристики революционных событий, порожденные в том числе непосредственным увлечением Есенина Геродотом, давшим обширные сведения о скифах. Все это получило отражение в цикле «маленьких поэм», который отличается романтическим стремлением переделать не только Россию, но и вселенную. Мы также выдвигаем предположение, что название обетованной страны Инонии могло быть связано с описанием Геродотом идиллического тоposa — завоеванного скифами города *Ионии*.

В целом утопия новокрестьянских поэтов рассматривается как выражение апокалиптических настроений, опирающихся и на знание эсхатологии истории, и на веру в преображение.

³⁶ Свенцицкий В. Что нужно крестьянину? // Свенцицкий В., прот. Собр. соч. / Сост., подгот. текста С. В. Черткова. М.: Дар, 2011. Т. II. С. 78.

³⁷ Свенцицкий В., Эрн В. Взыскующим Града. М.: Изд-во Д. П. Ефимова, 1906. В названии известная цитата: «не имамы бо зде пребывающаго града, но грядущаго взыскуем» (Евр. 13, 14; 12, 22), однако Свенцицкий имеет в виду взыскание именно земного града как небесного Иерусалима.

В **заключении** подводятся итоги, формулируются выводы. Акцентируются сходства и различия в утопических проектах символистов, футуристов, новокрестьянских поэтов. Так, сходным является стремление преодоления религиозного кризиса: через синтетическое творчество символистов, воплотившееся в теургии, идею мессианской роли поэта, богоборчество, сменившееся обожествлением коллектива футуристов, а также представлением о скрытых духовных потенциях народа, призванных воплотиться в будущем России и явить миру путь обновления. Специфика утопического модуса определяется теми этико-философскими установками, которые определяли развитие того или иного литературного направления.

Изучение утопического сознания позволяет более полно представить ту социокультурную проблематику, которая преломлялась в различных художественных направлениях Серебряного века. С одной стороны утопизм представал как общий симптом для того рубежного периода, которым стала эпоха Серебряного века, а с другой — выявил специфические черты, характерные для различных литературных направлений.

Положения диссертации отражены в публикациях:

1. Суслопарова Г. Д. Цикл «маленьких поэм» С. Есенина в контексте утопических проектов начала XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Литературоведение, журналистика. 2012. № 1. С. 5—14.

2. Суслопарова Г. Д. Теория соответствий Э. Сведенборга в теургической утопии А. Белого // Вестник ЦМО МГУ. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. 2012. № 3. С. 15—17.

3. Суслопарова Г. Д. Сергей Антонович Клычков. 1889—1937: Исследования и материалы // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2012. № 3. С. 179—183.

4. Суслопарова Г. Д. Утопические проекты в практике русского литературного авангарда // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2010. № 2(6). С. 160—164.

5. Суслопарова Г. Д. О проблематике и контексте цикла «маленьких поэм» Есенина // С. Есенин: диалог с XXI веком. М.: ИМЛИ, 2011. С. 138—148.
6. Суслопарова Г. Д. Лингвистическая утопия в творчестве русских футуристов // Материалы XVII международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». М.: Изд-во МГУ, 2010. С. 674—675.
7. Суслопарова Г. Д. Феноменология Э. Гуссерля и образ детского сознания в «Лете Господнем» И. С. Шмелева // Мир детства в русском зарубежье: III Культурологические чтения «Русская эмиграция XX века» (М., 25-27 марта 2009 г.): Сб. докл. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2011. С. 20—21.
8. Susloparova G. Consciousness in the novels of Ivan Shmelev // *Consciousness, Theatre, Literature and the Arts* 2009. Edited by Daniel Meyer-Dinkgrafe. Cambridge Scholars Publishing, 2010. P. 185—186.